

Slavica Helsingiensia 32

Juhani Nuorluoto (ed., под ред., Hrsg.)

Topics on the Ethnic, Linguistic and Cultural Making of the Russian North

Вопросы этнического, языкового и культурного формирования Русского Севера

Beiträge zur ethnischen, sprachlichen und kulturellen Entwicklung des russischen Nordens

Helsinki 2007

ISBN 978-952-10-4367-3 (paperback), ISBN 978-952-10-4368-0 (PDF), ISSN 0780-3281

Йоуни Ваахтера
(Хельсинки/Турку)

**К вопросу об истории гласного *o*, полногласия и аканья
в русском языке в свете данных о славянизации
Русского Севера**

В настоящей статье я попытаюсь изложить несколько замечаний, сделанных, в основном, на основе статей, посвященных вопросам, рассмотренным в рамках проекта «Этническое, языковое и культурное формирование Русского Севера» (см. Славянизация Русского Севера 2006; Нуорлуото & Ваахтера 2006). Я не ставлю перед собой задачу полностью проанализировать излагаемые вопросы, которые в дальнейшем будут, безусловно, требовать более детального изучения.

1. ЛабIALIZАЦИЯ гласного *ǎ* (появление *o*)

Давно известно, что в старых славянских заимствованиях консервативного с точки зрения звукового строя финского языка (Кипарский 1963: 76) русскому *o* соответствует *a* (при наличии в финском и гласного *o*) (см., напр., Калима 1915: 46-47): *полотно* – *palttina*, *нон* – *rappi*, *боб* – *rari*, *окно* – *akkuna*, *долото* – *taltta*, *толокно* – *talkkuna*¹. Такое соответствие наблюдается в славянских заимствованиях и во многих других не связанных между собой языках:

«Le *o* slave [---] est rendu par *a* dans les emprunts du grec et du roman, gr. Σχλαδινοί, lat. *Sclavi* de *Slověne* « Slaves », gr. ράγυζ de *rogozǎ* « jonc », de même qu'il rend *a* bref dans les emprunts du slave : v. sl. *Sotona* de Σατανᾶς

¹ Эти и подобные примеры можно найти практически в любом труде, рассматривающем звуковые соответствия в русском и прибалтийско-финских языках.

«Satan» ; tandis que le *o* fermé du roman (roumain *u*) est rendu par *ÿ* : *commâtre*- « commère », v. sl. *kūmotra* (Вайян 1950: 107).»² В.И. Георгиев (1964: 57-58) приводит, напр., следующие соответствия: в немецком *Arl* 'соха' ср. ст.-сл. *рало*, *Gard* (в топонимах) 'город'; в румынском и албанском соответственно *baltă* и *baltë* 'болото', *daltă* и *daltë* 'долото', *gard* и *gardh* 'город'; в греческом *βάλτα*, *Μπάλτα* (топоним) 'болото', *Γαρδίχι* (топоним) ср. ст.-сл. *градьць* 'городок', *Три-гардов* ср. болг. *Триград*, *σάλμα* 'солома'.

Георгиев (1964: 58) справедливо замечает, что убедительно о тембре праславянского гласного свидетельствуют «такие заимствования этого типа, которые появляются независимо друг от друга в разных языках, как, например: фин. *taltta* = рум. *daltă* = алб. *daltë* 'долото' из праслав. **dalta*³; рум. *baltă* = алб. *baltë* = гр. *βάλτα* 'болото' из праслав. **balta*⁴».

При всем этом вряд ли можно оспорить то, что отметил еще сто лет назад М.Дж. Бартоли (1908: 56): «È naturale che un suono straniero sia articolato come quel suono indigeno che più vi si avvicina»⁵. Сорок лет спустя эту идею расширил В. Пизани (1947: 103): «non sempre una lingua ha nel suo sistema fonetico gli stessi suoni che un'altra; in tal caso più spesso nella lingua ricevente si usa sostituire il suono mancante con uno simile in essa esistente, o creare un compromesso»⁶.

Немаловажно и то обстоятельство, что во многих прибалтийско-финских языках сохраняется богатая вокалическая система, унаследованная из прибалтийско-финского праязыка, характеризующаяся двумя ступенями долготы и наличием также гласного *o*. Этот факт позволяет использовать эти языки в реконструкции состава и тембра гласных древнерусского (позднего общеславянского) языка.⁷

² Мой перевод: «Славянский *o* [---] превращается в *a* в заимствованиях в греческом и романском, гр. *Σχλαδινοί*, лат. *Slavi* из *Slovēne* «славяне», гр. *ραγάζ* из *rogozī* «камыш», в то время как закрытый *o* романского (румынский *u*) превращается в *ÿ*: *commâtre*- «сплетница», ср. сл. *kūmotra*.»

³ В моей транскрипции **dāltā*, трад. **dolto*.

⁴ В моей транскрипции **bāltā*, трад. **bolto*.

⁵ Мой перевод: «Естественно, что иноязычный звук произносится в виде звука, который в заимствующем языке наиболее близок к первоначальному.»

⁶ Мой перевод: «не всегда в фонетической системе языка имеются те же звуки, какие есть в другом языке; в таком случае чаще всего отсутствующий в воспринимающем языке звук заменяется похожим звуком данного языка или находится компромисс.»

⁷ Следует также иметь в виду, что в некоторых случаях праславянскому *ǎ* (и русскому *o*) соответствует в прибалтийско-финских языках долгий *ā*: фин. *vaalasti* – рус. *волость* (Калима 1952: 33). Представляется, что ударение способствовало

*

Таким образом, когда прибалтийско-финские языки имели первые контакты со славянским, в последнем на месте современного *o* был еще звук нелабиализованный. Этот факт, в принципе, также признается давно, хотя многие приписывают данному гласному слабую степень лабиализации: еще А.А. Шахматов (1915: 2) писал, что гласный *o* был гласным нижнего образования, «следовательно, собственно *ǫ*», т.е. слаболабиализованный *a*, а М.Дж. Бартоли (1908: 57) писал, что в историческую эпоху, т.е. в то время, когда создавались уже славянские тексты, произносился еще слаболабиализованный звук.

Традиционное представление об общеславянских гласных во многом основывается на старославянском языке, который в XIX веке в некотором смысле считали истинным праславянским (общеславянским). Несмотря на свое утверждение о слабой лабиализованности *o*, Шахматов, например, продолжал употреблять именно этот знак, а не «*ǫ*» или какое-нибудь другое подобное обозначение, подчеркивающее степень лабиализации.⁸

Про открытость «*o*» забыли, и все историки языка стали употреблять знак «*o*». Следовательно, никто не употреблял реконструкции типа *ǫkъnǫ*⁹, а в славистике остались господствующими реконструкции типа *okъno*, употребляемые донныне в работах авторитетных лингвистов (см., например, Зализняк 2004), хотя многие и признают факт отсутствия лабиализации. К примеру, Арношт Лампрехт употребляет знак «*o*», не указывая, однако, несмотря на выбранный знак, на лабиализованный гласный. Он пишет о лабиализации–нелабиализации гласных заднего ряда следующее: «*Zanikla tak zaokrouhlenost u původních*

удлинению гласного, когда гласный *ǫ* не стал еще полнолабиализованным *o*, но этот долгий гласный был фонологически кратким для носителей древнерусского. Он, однако, воспринимался фонологически долгим в языковом сознании носителей финского языка того времени.

⁸ Для Шахматова долгота гласных была нерелевантной, поскольку все гласные якобы различались по тембру. Следует иметь в виду, что выделение даже четырех разных категорий долготы гласных связано с отсутствием у Шахматова концепций фонологии. Известно, однако, что гласные разных подъёмов фактически имеют разную долготу, которая вызвана лишь возможностями артикуляционных органов производить те или иные звуки в разных фонетических положениях. С функциональной (фонологической) точки зрения данный факт, естественно, нерелевантен.

⁹ Как показывает фин. *akkuna*, рефлекс индоевропейского *ǵ* (трад. *ъ*) сохранял во время данного заимствования еще лабиализованность, т.е. был еще собственно *ǵ*.

zadních samohlásek, takže *y*, vzniklé z indoevropského *ū* (srov. *sūmus* > *synь*), je hláskou nezaokrouhlenou. Stejně tak je nezaokrouhlené nejen *a*, vzniklé z indoevropského *ā*, *ō*, nýbrž i *ъ*, vzniklý z krátkého *u* (srov. *muscus* > *тъчь*), i *o*, jež původně reprezentuje vlastně krátké *a*. [---] *o:a* byly v poměru *ā:ā*.»¹⁰ (Лампрехт 1966: 13, 19; Лампрехт и др. 1986: 31.) О различиях обозначения гласных звуков общеславянского языка славистами, не употребляющими знак «*o*», см. Михалевич (2002: 133-140).

**

Итак, не только старые славянские заимствования в финском языке отражают нелабиализованность «*o*», но такое наблюдается также в топонимике Русского Севера. Я. Саарикиви (2006: статья 2: 25, статья 4: 192) отмечает, что в субстратной топонимике в Пинежском районе Архангельской области финно-угорское краткое *a* передается нередко в виде лабиализованного гласного *o*, напр. *Полма* < *paltte* 'склон'. При этом долгое *ā* передается в виде *a*.¹¹ И.И. Муллонен (2006: 291) пишет, что в субстратной топонимике Заонежья редки случаи передачи прибалтийско-финского *a* русским *o* (при преобладании соответствия *a* с *a*), но тем не менее такие есть: название *Толвуя* она связывает с *Talv(i)oja* 'зимний ручей'. В данном названии мы можем найти и другой показатель отсутствия в древнерусском лабиализованного *o*, а именно передачу прибалтийско-финского *o* гласным *у* в русском названии, что свидетельствует о том, что самым близким к иноязычному

¹⁰ Мой перевод: «Утратилась лабиализованность у исконных гласных заднего ряда, в том числе у гласного *у*, происходящего из индоевропейского *ū* (ср. *sūmus* > *synь*), который на самом деле является нелабиализованным гласным. Так же нелабиализованными являются не только *a*, происходящий из индоевропейского *ā*, *ō*, но и *ъ*, происходящий из краткого *u* (ср. *muscus* > *тъчь*), и *o*, который изначально представляет собственно краткий *a*. [---] *o:a* были в отношении *ā:ā*.»

¹¹ Тем не менее в некоторых случаях в топонимах наблюдается формант *вара*, *вора* 'гора, сопка' (ср. фин. *vaara*), по поводу которых А.К. Матвеев (2001: 189) отмечает, что они «являются вторичными и объясняются на русской почве колебаниями заударного вокализма в словах с неясной внутренней формой или прогрессивной ассимиляцией (*o – a* > *o – o*)». Можно, конечно, выдвинуть и теорию, что здесь играет роль вокалический состав русского эквивалента *гора*. Делается это ввиду того, что в топонимике наблюдаются случаи, где оба варианта взаимозаменяемы, и Матвеев (там же: 191) приводит случаи, в которых *-вара*, *-вора* явно вторичные и образованы от русского *гора*.

о гласным в древнерусском был у¹². Примечательно в названии населенного пункта Толвуя и то, что он является местным центром, который, таким образом, и должен был славянизироваться раньше соседней территории (или, по крайней мере, данное название должно было рано устояться в славянской речи¹³).

На основании материала субстратной лексики и топонимики, связанной с финским *lahti* < **lakti*¹⁴ 'залив', можно сделать выводы о хронологии изменения *ǣ* > *o*. А.К. Матвеев (1968: 125; 2001: 339) представляет карты, посвященные распространению топонимов с детерминантами *лахта* и *лохта*, по которым можно заметить, что основная масса случаев с гласным *o* расположена у Белого озера или в любом случае на юге, в то время как случаи с гласным *a*, в основном, встречаются в более северных регионах (см. также Матвеев 2001: 197-198; Саарикиви 2006: статья 2: 42). Это не удивительно, поскольку территория Белого озера была славянизирована относительно рано.¹⁵ Поддерживается представление о ранней славянизации Белозерья, на мой взгляд, например, и тем, что там встречается преимущественно формант *-лохта* при преобладании *-лахта* к юго-западу от Белозерья (там же: 211).¹⁶ Из этого выходит, что переход *ǣ* > *o* произошел – или, по крайней мере, закончился – во время контактирования финно-угорского и славянского языков на Русском Севере (т.е. в топонимах *o* и *a*, в

¹² Оставлю здесь открытым вопрос о том, был ли данный гласный во время данного заимствования еще *ō* или уже перешел в разряд гласных верхнего подъема. О наличии в древнерусском (общеславянском) долгого *ō* на месте дифтонгов на *u* и носового гласного заднего ряда, впоследствии превратившихся в *u* (в кириллице *y*), свидетельствует, например, название племени *сумь* (вероятно от **sōme*, ср. фин. *Suomi*, эст. *Soome*). Гласный *ō* для древнерусского реконструирует, например, Кипарский (1963: 82). Следует также отметить, что формант, происходящий из прибалтийско-финского *oja* 'ручей, канава' встречается на Русском Севере часто в форме с гласным *o* и в некоторых случаях с гласным *a* (см., напр., Саарикиви 2006: статья 4: 214; Матвеев 2001: 341).

¹³ См. также о квазисубстрате у Матвеева (2001: 102-107).

¹⁴ **lakte* по Хяккинен (2004: lahti).

¹⁵ Об этом свидетельствуют упоминания Белозера в летописях: «862 г. – о княжении Синеуса на Белозере, 989 г. – о княжении Всеволода Ярославовича, 1071 г. – известие о белозерском бунте, а от XIV–XVI вв. до нас уже дошла масса документов белозерских монастырей – Кириллова и Ферапонтова (Матвеев 2001: 135)»

¹⁶ Матвеев (2001: 212), правда, относит эти разные варианты соответственно к саамским и прибалтийско-финским языкам, на что я не вижу необходимости. Каково бы ни было происхождение данного форманта, данная разница объясняется разным временем славянизации территорий.

прибалтийско-финских языках *a*), которое датируется в пределах XI–XVII вв. (Матвеев 2001: 103, 119).

Изменение *ǎ > o* следует учесть и при рассмотрении этнонимов **корѣла** (ср. фин. *karjala*) и **лопь** (ср. фин. *lappi*¹⁷), на которые указывал еще Я. Калима (1915: 47). Данные древнерусские этнонимы следует реконструировать соответственно *kār'ālā* и *lāpī*, которые по звучанию близки к приведенным финским этнонимам.

Цитированные выше финноугроведы, насколько мне известно, не пытаются объяснять причины двоякого отражения прибалтийско-финского *ǎ*. А.К. Матвеев (2001: 134), например, пишет: «Вопрос о причинах различного отражения прибалтийско-финского *ǎ* в русском языке выходит за рамки этой работы». Он отмечает (там же: 133) и следующее: «Поскольку общеприбалтийско-финское **ǎ* сохранилось во всех прибалтийско-финских языках, нет оснований думать, что в вымерших прибалтийско-финских наречиях РС [Русского Севера – JV] этот звук был представлен каким-либо особым рефлексом». Это, однако, не приводит его к заключению, что передача данного гласного в виде *o* связана с процессами, протекавшими именно в русском языке, а из написанного им (там же: 130) можно сделать вывод о том, что по его мнению в древнерусском существовал лабиализованный гласный *o*: «вокализм окаяющего севернорусского наречия близок к вокализму древнерусского языка».¹⁸ Касательно времени *o* и *a* в соответствии с прибалтийско-финским *a*, он ограничивается лишь констатацией о том, что в более древних заимствованиях наблюдается *o*, в новых – *a* (там же: 199).

На основании приведенных фактов можно сделать вывод, что либо регион реки Пинега был славянизирован раньше¹⁹, чем Заонежье,

¹⁷ Этноним **лопярь** находит объяснение в возможном скандинавском происхождении финского *lappi* (< *lappar*), см. Хякиннен (2004: lappi).

¹⁸ В этой связи следует высказаться против выдвинутой Матвеевым (2001: 136, 199) теории о возможном соотношении *лохта* с саамским **lōkte*, поскольку в ранних заимствованиях и субстратных названиях иноязычное *ō* передается в русском языке, скорее всего, гласным *u* (ср. этноним *сумь*, см. сноску 12); теория о саамском происхождении *лохта* предполагает, на мой взгляд, относительно недавнее присутствие саамов в регионе Белого озера, что не постулируется, например, С.А. Мызниковым (2004: 316). С другой стороны, славяне прибыли на эту территорию относительно рано (см. сноску 15), а именно в то время, когда процесс развития полногласия только-только закончился.

¹⁹ Я. Саарикиви (2006: 27-28) пишет, опираясь на скандинавские и древнерусские письменные памятники, что в XI веке данная территория была еще заселена не славянами, но местное население имело регулярные контакты с княжествами в

либо лабиализация $\check{a} > o$ охватила Заонежье раньше и распространилась на север (северо-восток) не быстро. Представляется, что более вероятен первый вариант.

О возможной абсолютной датировке изменения $\check{a} > o$ подробнее ниже.

2. Полногласие

С лабиализацией $\check{a} > o$ тесно связан вопрос о полногласии. Как бесспорно показывают старые славянские заимствования в финском языке, восточнославянские языки претерпели процесс полногласия после первых контактов с прибалтийско-финскими языками: *полотно* (< **pältinā*, trad. *pol'tno*) – фин. *palttina*, *веретено* (< **wärtinā*, trad. *vert'no*) – фин. *värttinä*²⁰.

Вопрос о том, как протекал процесс полногласия, остается до сих пор частично открытым. Например, Дж. Шевелев (1979: 95-96) пишет, что цепочка изменений для окающих говоров, по всей вероятности, выглядит следующим образом (с моими символами общеславянских гласных и без слоговых границ):

$$C\check{a}rC > CorC > CoroC$$

Отличается от общепринятого представление Ф.В. Мареша (1956: 456-463), который считает, что согласные *l* и *r* стали слоговыми и фонетически (но не фонологически) полногласные формы²¹ развились сначала во всех славянских языках, а всего лишь в восточнославянских гласные по обе стороны согласных фонологизировались, совпав с исконными \check{a} и \check{a} . (trad. *o* и *e*)

Кроме того, второй гласный полногласных сочетаний был по качеству отличным от гласных, восходящих к исконным \check{a} и \check{a} – возможно они были более открытыми.²²

центре европейской части современной России. Славянская колонизация началась здесь после распада Киевской Руси в 1137 году.

²⁰ Последний гласный в финском слове (\check{a} , а не *a*) вызван законом гармонии гласных, не допускающим сосуществования \check{a} и *a* в одном слове.

²¹ Это может быть подобие тому, как в хорватском произношении прилагательное *crn* 'черный' может на самом деле произноситься [c³r³n] (мое личное наблюдение произношения преподавателя хорватского языка Рады Борич [Rada Borić] в Хельсинкском университете в 2004 году).

²² Причиной для данного предположения служит то, что в тех украинских говорах, в которых в закрытых слогах произошло изменение $o > i$ (напр. *горох*, а не **gorix*), гласный *o* в полногласных сочетаниях такого изменения не

Те языковеды, которые признают нелабиализованность праславянского *ǫ*, обычно относят лабиализацию данного гласного к тому же времени, что и развитие полногласия, т.е. к последним векам первого тысячелетия²³, но возникает вопрос, претерпел ли гласный лабиализацию до завершения полногласия.

Я. Саарикиви (2006: статья 2: 44) пишет: «The substrate toponyms of the Dvina basin reveal no traces of such Slavic sound shifts as polnoglasiе, elimination of nasal vowels or disappearance of the yers»²⁴, но их рефлексы можно найти в субстратной топонимике прибалтийско-финского происхождения на территории, ограничивающейся окрестностями Новгорода, Финского залива и Ладожского озера (см. Матвеев 2001: 131-133), т.е. как раз там, где славянизация Русского Севера началась. Как я выше уже указал, в материале Саарикиви присутствуют явные случаи передачи прибалтийско-финского *ǫ* русским *o*. В анализируемом выше примере *Толвуя*, приведенном И.И. Муллонен (2006: 291), которую она связывает с *Talv(i)oja*, примечательно отсутствие полногласия (т.е. не **Толовуя*).

Все это служит доказательством того, что возникновение полногласия предшествует переходу *ǫ* > *o* – по крайней мере на Русском Севере, но ввиду отсутствия здесь любых исключений можно предположить, что дело должно обстоять точно так же на большей территории. Из представленного вытекает единственно возможное толкование, а именно: процесс протекания полногласия нужно описать в следующей последовательности:

CǫrC > *CǫrǫC* > *CoroC*

Лабиализация *ǫ* > *o* вряд ли произошла одновременно под ударением и в безударной позиции (см., напр., Нуорлуото 2007: 185). Мне известен лишь один пример, который может осветить данный вопрос, а

претерпевал (Шевелев 1979: 95-96). А. Мейе (1934: 66) считает различием данных гласных длительность: последний гласный был короче.

²³ (напр. Георгиев [1964: 56] пишет, что «*ǫ* > *o* [...] произошло вероятно к VIII–IX в.»).

²⁴ Мой перевод: «Субстратные топонимы бассейна Двины не отражают никаких следов таких славянских звуковых изменений, как полногласие, утрата носовых гласных или утрата редуцированных.»

именно финская фамилия *Holappa*, заимствованная из (древне)русского полногласного *холопъ* (Микконен & Пайккала 2000: Holorainen), но здесь возможны и другие причины, в том числе влияние аканья.

3. Теория о совпадении кратких гласных фонем нижнего ряда и датировка возникновения аканья

Ю. Нуорлуото (2006а) выдвигает теорию, согласно которой в древнерусском языке совпали фонемы /ă/ и /ǣ/ (трад. /o/ и /e/), и далее с данной фонемой слились также рефлексы праславянских *ǐ* и *ĩ* (трад. ѣ и ѥ) в сильной позиции (Нуорлуото 2007). Новая фонема реализовалась в звуках [ă] и [ǣ] в зависимости от ее фонетического окружения, в частности твердости-мягкости предшествующего согласного и ряда гласного последующего слога²⁵. Далее эта фонема участвовала в лабиализации *ǣ* > *o* не только после твердых согласных, но и после мягких перед слогом с гласным заднего ряда, результатом чего мы имеем в русском и некоторых других языках явление, известное как изменение *e* > *o*.

Если эта теория Нуорлуото соответствует действительности, приходится пересмотреть и значение некоторых явлений, обнаруженных в письменных памятниках древнерусского периода. В частности это касается написаний <а> вместо <о>, традиционно толкуемых как свидетельство о времени возникновения аканья, и <о> вместо <е>, традиционно толкуемых как свидетельство о времени изменения *e* > *o*. Представляется, что совпадение их появления по времени²⁶ неслучай-

²⁵ Обычно в качестве причины чередования гласных после мягкого согласного объясняется твердость-мягкость последующего согласного, но и Л.Л. Касаткин (1985 = 1999: 398-408) предлагает теорию, по которой чередование гласных 'o~'e и 'e~'u (или более архаичные 'iē~'u, 'e~'u [трад. 'ē~'u]), а также вологодское 'a~'e исторически обусловлено рядом гласного последующего слога, мотивируя это наличием в языке большого количества случаев, где влияние мягкого согласного на гласный проходит через твердый согласный (типа [jěstr']eb 'ястреб'), и тем фактом, что такое чередование наблюдается и в таких говорах вологодской группы, которые не знают оппозиции твердых и мягких согласных (см. также сноску 32).

²⁶ Изменение «e > o» обычно относится к XIII–XIV векам (Саурио 2005: 37), и признается возможность различного времени протекания процесса в разных диалектах (ОСНСГ 1970: 22).

Первые засвидетельствованные случаи отражения аканья в письме восходят, согласно Р.И. Аванесову (1958: 185), к 1339 году, но Ф.П. Филин (1964: 52) указывает на то, что «до нас не дошли письменные памятники из исконно

но, как не случайно и то, что в это время и немногим раньше смешиваются в новгородских берестяных грамотах графемы <о> и <ъ> (Нуорлуото 2007: 188; Зализняк 2004: 25). При этом следует иметь в виду, что в письменной традиции одними и теми же знаками могли в разное время и даже одновременно в разных местах или языках обозначаться разные звуки (фонемы) (подробнее, см., напр., Нуорлуото 2006б).²⁷

Итак, до тех пор, пока не стала разрушаться система различения двух фонологически различающихся ступеней долготы гласных, и не начался процесс лабиализации *ǎ*, в письме последовательно различались графемы <а>, <ε> и <о>, соответствовавшие соответственно звукам [ā] (ср. Нуорлуото 2007: 189), [ǎ] и [ā]. Само собой разумеется, что утрата категории долготы не могла произойти до лабиализации *ǎ*, ибо иначе совпали бы *ǎ* и *ā*, и не различались бы гласные *o* и *a*.²⁸

С помощью графем <ε> и <о>²⁹ в раннем древнерусском обозначалась, таким образом, фонема /ǎ/ и соответственно наличие или отсутствие мягкости у предыдущего согласного (фонетически [ʔǎ]³⁰ и [ǎ]).

акающих областей ранее XIV в.» В новгородских берестяных грамотах можно, однако, найти более ранние примеры написания *a* вместо *o* (см. там же: 53-54). Мне представляется, что речь может здесь идти о неверной передаче долготы гласного, причем возможно, что новгородский диалект был для пишущих не родным (ср. там же: 54-55), и они могли быть вообще не славяне. Поддерживает такую гипотезу тот факт, что проблема верной передачи в письме долготы финских гласных (как и согласных) наблюдается часто как у финских детей младших классов, усваивающих навыки письма, так и у иностранцев, выучивших финский язык во взрослом возрасте.

²⁷ Общеизвестным примером здесь служит произношение звука на месте *ѣ* в (древне)русском и церковнославянском произношении. Можно также привести пример графемы <ј> латинского алфавита, употребляемой в орфографических системах разных языков для обозначения совершенно разных фонем.

²⁸ В этом, принципе, и заключается теория о древности аканья – различие в долготе было утрачено в безударных слогах до перехода *ǎ* > *o* в тех говорах, которые развили аканье. При этом нужно иметь в виду, что это не касается всех говоров, являющихся акающими в настоящее время (или даже в XX веке), либо аканье, будучи более простой системой по сравнению с оканьем и обладая высоким престижем, имело и имеет все предпосылки для распространения на исторически окающие территории.

²⁹ В целях упрощения изложения теоретических концепций графема <ω> считается здесь вариантом <о>.

³⁰ Об этом тембре свидетельствует как множество славянских заимствований в финском (напр. *pätsi* 'печь', *värttinä* 'веретено'), так и субстратные топонимы Русского Севера, в которых прибалтийско-финский *e* передается как *y*. Такая субституция говорит о том, что в древнерусском был не гласный [e], а [ǎ]

Когда произошла лабиализация $\check{a} > o$, указанная взаимозависимость была нарушена, и орфографическая система не позволяла отражать новые отношения гласных и твердости-мягкости согласного перед ними, в частности [\check{a}], [\check{o}] (возможен также более передний тембр [\check{o}]) и [\check{o}].³¹ Логично, что графема <ѣ> продолжала обозначать [\check{a}] (и далее [$\check{e} > 'e$]), а <о> – новый звук [$\check{o} > o$]. Сложнее ситуация у звука (или сочетания) [\check{o}], для которого в орфографическом инвентаре не было никакой буквы, что привело к возможности колебания графем <ѣ>~<о>. Используя графему <ѣ>, пишущий игнорировал реальное звучание гласного, но писал по традиции и тем самым мог указывать на мягкость согласного. Используя графему <о>, пишущий мог отразить реальное звучание (лабиализованность) гласного, но мягкость предыдущего согласного оставалась незафиксированной на письме.³²

Если взаимозамена графем <ѣ> и <о> могла быть обусловлена лабиализацией гласного, то тем более такая возможность должна была появиться и у <о> и <а> вместе с утратой категории долготы у гласных в говорах, развивших лабиализацию \check{a} только под ударением (т.е. в акающих говорах) и сведших безударные \check{a} и \check{a} в один звук. Можно сказать, что такие написания отражают развитие аканья, но процесс его появления отличается от традиционного толкования.

3. Заключение

Приведенные выше замечания указывают на то, что взаимозамена графем <ѣ> и <о>, с одной стороны, и <о> и <а>, с другой, могла быть связана с одним и тем же процессом – лабиализацией гласного \check{a} . Если эта теория соответствует действительности, то письменные памятники

(краткий и долгий), и самым близким к иноязычному гласному e был потерявший уже свою лабиализацию и, возможно, долготу i [трад. у, в письме <ы>]) (примеры см., напр., Матвеев 2001: 137). Примечательна здесь отметка А.К. Матвеева (там же: 137-138) о том, что «в основном формы с e [...] коррелируют с зоной детерминанта *-лахта* и должны рассматриваться как поздние, а формы с $ы$ – с зоной детерминанта *-лохта* и считаться ранними». См. также Саарикиви (2006: статья 2: 25-26).

³¹ Здесь, естественно, имеется в виду говор, лабиализовавший \check{a} во всех позициях независимо от места ударения.

³² Отсутствие мягких согласных в некоторых архаичных говорах составляет, по видимому, особую проблему, которой посвящена готовящаяся мною статья, которая будет, вероятно, опубликована в очередном сборнике в серии *Slavica Helsingiensia* в 2008 году.

способны дать относительно точную датировку данного процесса. В частности мы должны отнести лабиализацию *ǰ* к XII-XIV векам. Такая датировка поддерживается тем, что бассейн Двины стал славянизироваться немногим раньше этого времени, и, согласно Я. Саарикиви (2006: 296), первые постоянные славянские селения появились здесь в XIII веке, хотя интенсивно новгородцы стали распространяться на Русский Север немногим раньше, в XI-XII вв. (Матвеев 2001: 103). Регион к югу от Белого озера был, согласно письменным памятникам, славянизирован относительно рано, что поддерживается преобладанием русского *o* в соответствии с прибалтийско-финским *a*, в то время как на соседней территории преобладает соответствие *a* с *a*.

При этом нужно иметь в виду, что любой процесс звукового изменения происходит не моментально и не одновременно во всех слоях языкового общества как территориально, так и социально, а занимает относительно долгое время (см., напр., Эйтчизон 2001: 84-97, Матвеев 2001: 108-109). По этому наличие в славянизированном рано Белозерье таких дублетов, как *-ронда* и *-ранда* (Матвеев 2001: 213), на мой взгляд, можно объяснить и тем, что звуковой закон *ǰ > o* перестал действовать в древнерусском во время прибалтийско-финского двуязычия в данном регионе, хотя я и не могу сказать, что выдвинутая Матвеевым (там же) теория о прогрессивной ассимиляции не может соответствовать действительности.

Далее приведенную выше датировку можно, в принципе, использовать для датировки славянизации разных территорий Русского Севера, проведя анализ субстратной топонимики:³³

- отсутствие следов полногласия и носовых гласных – славянизация не раньше X века³⁴;
- отражение иноязычного *ǰ* в виде *o* – славянизация не позднее XIV века³⁵;

³³ Данная возможность уже применялась Максом Фасмером и далее А.К. Матвеевым при попытке определения территорий раннего и позднего заселения (Матвеев 1968: 122 и след.).

³⁴ Полногласие: ср. известную в славистике датировку со словом *король* от имени Карла Великого (768–814 гг.) (хорв. *kralj*, чеш. *král*) (см., напр., Лампрехт 1987: 65-66).

Утрата носовых гласных: ср. имя князя Игоря Рюриковича (912–945 гг.) (< *Ingvar*) (не **Ягорь*) (см., напр., Саурио 2005: 26).

³⁵ Однако неизвестно, какой срок действовал данный звуковой закон, и в принципе возможно, что иноязычный *ǰ* заимствовался в виде *o* еще в то время,

- отражение иноязычного *ǣ* в виде *a* – славянизация в (XIV) XV веке и позднее³⁶.

Осложняется эта возможность тем, что этимологически прибалтийско-финские слова, заимствованные в топонимах, в некоторых случаях стали территориально ограниченными формантами (апеллятивами) (Матвеев 2001: 121), и их наличие в названии того или иного объекта само по себе еще не свидетельствует о том, что заимствован был именно данный топоним. Правильно, по моему мнению, отмечает А.К. Матвеев (1968: 123) о том, что топоним бесспорно является прибалтийско-финским, если он состоит «из сочетания основы и детерминатива (*Янголохта, Габлахта*)».

Второй фактор, препятствующий простому анализу топонимов, заключается в том, что такие форманты могут иметь двойную форму касательно одного и того же объекта, напр. *вара* и *вора*, *лахта* и *лохта* (Я. Саарикиви, частное сообщение). Несмотря на такую вариативность, территориальное распространение слов *лахта* и *лохта*, засвидетельствованное А.К. Матвеевым (1968: 125; 2001: 198, 339) и С.А. Мызниковым (2003: 248), вполне логично: *лахта* наблюдается в целом в более северных регионах, чем *лохта*, потому что славянизация шла в целом с юга (хотя и не сплошной волной).

Приведенные данные из севернорусских топонимов прибалтийско-финского происхождения дают возможность на следующую относительную и абсолютную датировку полногласия и лабиализации *ǣ*, имеющую значение для истории славянских языков и русского в частности:

- процесс полногласия полностью закончился до изменения *ǣ* > *o*;
- лабиализация *ǣ* > *o* является значительно более поздним явлением, чем традиционно предполагается, и происходила вплоть до XIV века³⁷;

когда практически весь словарный запас древнерусского уже испытал изменение *ǣ* > *o*.

³⁶ Согласно С.А. Мызникову (2003: 248), впервые лексема *лахта* 'залив' зафиксирована в Двинских грамотах в XV-XVI вв., что свидетельствует о законченности звукового закона, по которому произошел переход *ǣ* > *o*.

- поздняя лабиализация $\text{ǰ} > \text{o}$ приводит к необходимости критического анализа практически общепринятых в России причин возникновения аканья (т.е. т.н. редуccionной гипотезы).

Литература

- Аванесов 1958 = Р.И. Аванесов: Вопросы истории русского языка в эпоху формирования и дальнейшего развития русской (великорусской) народности. *Вопросы формирования русской народности и нации. Сборник статей*. Москва–Ленинград, с. 155–191.
- Бартоли 1908 = Matteo Giulio Bartoli: Riflessi slavi di vocali labiali romane e romanze, greche e germaniche. *Zbornik u slavu Vatroslava Jagića. Jagić-Festschrift*. Berlin, p. 30–60.
- Вайян 1950 = André Vaillant: *Grammaire comparée des langues slaves. Tome I. Phonétique*. Collection « Les langues du monde », série Grammaire, philologie, littérature, Volume VI. Lyon–Paris.
- Георгиев 1964 = Владимир И. Георгиев: Значение некоторых заимствований в финском языке для праславянской фонемной системы. *Lingua viget. Commentationes slavicae in honorem V. Kiparsky*. Helsinki, с. 56–60.
- Зализняк 2004 = А.А. Зализняк: *Древненовгородский диалект*. Второе издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. Москва.
- Калима 1915 = Jalo Kalima: *Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen*. Akademische Abhandlung. Helsingfors.
- Калима 1952 = Jalo Kalima: *Slaavilaisperäinen sanastomme. Tutkimus itämerensuomalaisien kielten slaavilaisista lainasanoista*. Suomalaisen kirjallisuuden seuran toimituksia, 243. osa. Helsinki.
- Касаткин 1985 = Л.Л. Касаткин: Об условиях и времени изменения $\text{ǰ} > \text{u}$ и $\text{ǰ} > \text{e}$ в русских говорах. *Russian Linguistics*. 1985, 2-3, с. 334–350.
- Касаткин 1999 = Л.Л. Касаткин: *Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка*. Москва.
- Кипарский 1963 = Valentin Kiparsky: *Russische historische Grammatik. Band I. Die Entwicklung des Lautsystems*. Heidelberg.
- Лампрехт 1966 = Arnošt Lamprecht: *Vývoj fonologického systému českého jazyka*. Brno.
- Лампрехт 1987 = Arnošt Lamprecht: *Praslovanština*. Brno.
- Лампрехт и др. 1986 = Arnošt Lamprecht, Šlobar Dušan & Jaroslav Bauer: *Historická mluvnice češtiny*. Praha.
- Мареш 1956 = František Václav Mareš: Vznik slovanského fonologického systému a jeho vývoj do konce období slovanské jazykové jednoty. *Slavia*. 1956, XXV, s. 443–495.
- Матвеев 1968 = А.К. Матвеев: Об отражении одного финско-русского фонетического соответствия в субстратной топонимике Русского Севера. *Советское финно-угроведение*, IV, Таллин, с. 121–126.

³⁷ Примечательно, что эта датировка в целом соответствует датировке, предложенной Нуорлуото (2007) в результате анализа материала Новгородских берестяных грамот.

- Матвеев 2001 = А.К. Матвеев: *Субстратная топонимия Русского Севера. Часть I*. Екатеринбург.
- Мейе 1934 = A. Meillet: *Le slave commun. Seconde édition revue et augmentée avec le concours de A. Vaillant*. Collection de manuels publiée par l'Institut d'études slaves, 11. Paris.
- Микконен & Пайккала 2000 = Pirjo Mikkonen & Sirkka Paikkala: *Sukunimet*. Helsinki.
- Михалевич 2002 = Milan Mihaljević: *Slavenska poredbena gramatika. 1. dio. Uvod i fonologija*. Zagreb.
- Муллонен 2006 = Ирма Муллонен: Фонетическая интеграция прибалтийско-финской топонимии в русскую топонимическую систему Заонежья. *Slavica Helsingiensia* 27 (= The Slavicization of the Russian North. Mechanisms and Chronology / Die Slavisierung Nordrusslands: Mechanismen und Chronologie / Славянизация Русского Севера. Механизмы и хронология, под ред. Juhani Nuorluoto). Helsinki 2006, с. 282–292.
- Мызников 2003 = С.А. Мызников: *Русские говоры Обонежья. Ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения*. Санкт-Петербург.
- Мызников 2004 = С.А. Мызников: *Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада. Этимологический и лингвогеографический анализ*. Санкт-Петербург.
- Нуорлуото 2006a = Juhani Nuorluoto: Is there a Sound Change of “e > o” in Russian? *Slavica Helsingiensia* 27 (= The Slavicization of the Russian North. Mechanisms and Chronology / Die Slavisierung Nordrusslands: Mechanismen und Chronologie / Славянизация Русского Севера. Механизмы и хронология, ed. Juhani Nuorluoto). Helsinki 2006, p. 293–308.
- Нуорлуото 2006b = Juhani Nuorluoto: Medieval Slavic Texts as a Source of Evidence in Observing the Diachrony of Sound Change. (= *Acta Universitatis Stockholmiensis: Stockholm Slavic Studies* 32 (= *Ййко блгопѣсниваѡ птица*. Hyllningskrift till Lars Steensland, redigerad av Per Ambrosiani, Irina Lysén, Elisabeth Löfstrand och Johan Muskala). Stockholm 2006, p. 159–167.
- Нуорлуото 2007 = Juhani Nuorluoto: The Interchangeability of the Graphemes <o> and <ь> in Old Russian Birchbark Documents: A Graphical Effect or a Reflection of Sound Change in Progress. *Slavica Helsingiensia* 32 (= Topics on the Ethnic, Linguistic, and Cultural Making of the Russian North / Вопросы этнического, языкового и культурного формирования Русского Севера / Beiträge zur ethnischen, sprachlichen und kulturellen Entwicklung des russischen Nordens, ed. Juhani Nuorluoto). Helsinki 2007, p. 176–195.
- Нуорлуото & Ваахтера 2006 = Юхани Нуорлуото & Йоуни Ваахтера: Конференция «Славянизация Русского Севера. Механизмы и хронология» (Финляндия, Биостанция Хельсинкского университета в Ламми, 22–25 сентября 2005 г.). *Археологические вести* 13. Санкт-Петербург, с. 360–362.
- ОСНЧГ 1970 = *Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров (По материалам лингвистической географии)*. Отв. ред. В.Г. Орлова. Москва.
- Пизани 1947 = Vittore Pisani: *L'Etimologia. Storia – Questioni – Metodo*. Torino.
- Саарикиви 2006 = Janne Saarikivi: *Substrata Uralica. Studies on Finno-Ugrian Substrate in Northern Russian Dialects*. Tartu.
- Саурио 2005 = Päivi Saurio: *Poimintoja venäjän kielen historiasta*. Helsinki.
- Славянизация Русского Севера 2006 = *Slavica Helsingiensia* 27 (= The Slavicization of the Russian North. Mechanisms and Chronology / Die Slavisierung Nordruss-

- lands: Mechanismen und Chronologie / Славянизация Русского Севера. Механизмы и хронология, ed. Juhani Nuorluoto). Helsinki 2006.
- Филин 1964 = Ф.П. Филин: К хронологии русского аканья. *Lingua viget. Commentationes slavicae in honorem V. Kiparsky*. Helsinki, с. 52–59.
- Хякиннен 2004 = Kaisa Häkkinen: *Nyky-suomen etymologinen sanakirja*. Juva.
- Шахматов 1915 = А.А. Шахматовъ: *Очеркъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка. Энциклопедія славянскоі филологіи*. Подъ редакціею И.В. Ягича. Вып. 11.1. Петроградъ.
- Шевелев 1979 = George Y. Shevelov: *A Historical Phonology of the Ukrainian Language*. Heidelberg. (Historical Phonology of the Slavic Languages IV).
- Эйтчизон 2001 = Jean Aitchison: *Language Change. Progress or Decay?* 3rd edition. Cambridge.